
РОССИЯ В МИРОВОМ КОНТЕКСТЕ

Глобализирующаяся Россия

А.А. ВОЗЬМИТЕЛЬ

Объединение рынков, планетарная экономика, ничем не ограниченная свобода информации...

Что стоит за этими словами в действительности? И какова цена их «материализации» в социокультурном и экономическом пространстве России! В статье анализируются основные результаты и тенденции взаимосвязанных пореформенных изменений в общей социальной ситуации, национальном образе жизни и экономике с точки зрения обеспечения безопасности личности, общества и государства. В итоге вырисовывается и описывается конфигурация механизмов ослабления и самоликвидации России как державы-лидера, запущенных в ходе квазилиберальной «приматизации» процесса реформирования.

Говоря о глобализации, прежде всего имеют в виду экономическую интеграцию, интернационализацию товара, капитала, людей и информации для обеспечения высоких темпов роста производства материальных благ, создания единого мирохозяйственного и информационного пространства, обмена культурными ценностями, управления кризисным развитием. Мощным фактором вынужденного единения мира выступает экология, заставляющая пересмотреть отношение к традиционным формам (технологиям) развития промышленного производства.

Все эти факторы вместе взятые должны и, в принципе, могут обеспечить безопасную жизнь и устойчивое экономическое, социальное, культурное развитие всех стран и континентов. Одна только экономическая интеграция способна качественно изменить ситуацию во многих регионах планеты.

Но всеобщая гармония, увы, не просматривается. И даже на благополучном Западе миллионы людей полагают, что глобализация приносит больше вреда, нежели пользы, а сотни тысяч активно протестуют против навязываемой всему миру «хорошей» жизни.

Дело, видимо, в том, что глобализацию иницируют, направляют и проводят в жизнь вполне определенные транснациональные круги Северной Америки, Европы и Японии, реализующие свои экономические и геополитические интересы, далеко не совпадающие с национальными интересами других стран и регионов. Наиболее последовательно и жестко в глобализации участвуют США, активно используя людей, информацию, капитал и всю свою военную мощь для подрыва национальной безопасности «непослушных» стран, ведя массированную психологическую обработку их населения, организуя экономические бло-

Глобализирующаяся Россия

кады, создавая и финансируя влиятельные пятые колонны и т. д. А если эти меры не помогают, то прибегают к прямой военной интервенции. Все это, разумеется, во имя свободы, рыночной экономики и демократии.

Однако эта ритуальная риторика мало кого обманывает и все понимают: главное тут встраивание тех или иных стран и регионов в глобальную экономическую и политическую стратегию США, обеспечивающую решение перспективных проблем национальной безопасности этой сверхдержавы.

Таким образом, глобализация в сегодняшнем мире оказывается процессом, обеспечивающим благополучие сильных за счет слабых. Сильные используют все плюсы этого процесса, интегрируя свои экономики¹, слабым же остается незавидная роль сырьевых придатков и рынков дешевой рабочей силы. В результате даже инвестиции, направляемые ТНК в бедные страны с низкой заработной платой превращаются в форму их «выдаивания», поскольку товары, произведенные при существенно более низких издержках (различия оплаты за одну и ту же работу достигают иногда 20 и более раз), реализуются в богатых странах по ценам, обеспечивающим высокие прибыли производителю, оставаясь при этом высококонкурентными в сравнении с ценами на аналогичную продукцию, выпускаемую местными предприятиями, которые вынуждены оплачивать труд своих наемных работников по высокой стоимости национальной рабочей силы [Кузнецов 2000, с. 18].

Конечно, и слабым кое-что перепадает, но этого явно недостаточно для того, чтобы сократить одиозный разрыв между 20 % самыми богатыми и 20 % самыми бедными странами планеты, доход которых на душу населения разнится в 60 раз [Кузнецов 2000, с. 18].

Что же принесла и приносит глобализация для России? Во-первых, ни с чем несоизмеримые социокультурные потери. Разлом огромного евразийского пространства, сцементированного русским языком и русской культурой, контрпродуктивен для России и для образовавшихся на ее окраинах новых независимых государств. Потеря русской культурной составляющей, вытеснение Пушкина, Толстого, Достоевского — признак обеднения и деградации национальных культур. Русская культура всегда присваивала, вбирая в себя в «снятом» виде культуры и традиции многих народов. Главные из них — толерантность и взаимоуважение, характерные для всей многовековой истории государства российского. Распад евразийского культурного сообщества подорвал солидарность большинства народов, его населяющих, а вкупе с их культурной миграцией к Западной Европе, Америке, Китаю, Ираку, Турции способствовал появлению и проявлению крайне националистических экстремистских тенденций, что реально угрожает этноконфессиональной, социальной и политической стабильности, а следовательно, и безопасности региона.

Еще более катастрофичен по своим последствиям модернизационный прорыв советского образа жизни, означающий по сути цивилизационный катак-

¹ По данным греческого политолога Христо Гиониса, «прямые иностранные инвестиции преимущественно направляются сегодня из развитых стран в развитые же, а не в развивающиеся. Одна треть оборота всемирной торговли приходится на транснациональные компании. Они принадлежат пяти странам — Франции, Германии, Великобритании, Японии и США. В этой пятёрке аккумулируются три четверти всех прямых иностранных инвестиций» [Гионис 2002, с. 59].

лизм, распад парадигмы человеческого существования, уже приведший к глобальным изменениям.

Внутри страны активно идет преобразование моностилистической культуры в полистилистическую, сопровождающееся обесцениванием культурной и нравственной традиции, дегуманизацией почти всех общественных отношений. Парадоксально, но факт: столь желанная и, казалось бы, уже обретенная свобода обернулась новой антиутопией насилия и коррупции, поразившими все сферы жизни российского общества. Свобода совести превратилась в свободу от совести, от духовных традиций; свобода предпринимательства — в свободу от всех законов (государственных и моральных).

В России сегодня отпущены все вожжи и очень часто не работают никакие тормоза. Примата права (нет ничего выше закона) у нас как не было, так и нет. Но исчезло и чувство долга перед Родиной, некогда объединявшее людей самых разных убеждений. Распалась и система моральной регуляции — фактически отсутствует общепринятая или же хотя бы широко распространенная система представлений о добре и зле, о нравственном и безнравственном, о совести, правде, справедливости, о норме и отклонении от нее.

Понятия эти сегодня почти исключены из лексикона, а если и употребляются в СМИ, то, как правило, в ироническом смысле. Осмеянию и уничижительной критике предаются базовые цивилизационные качества русского народа — «всемирная отзывчивость» (по выражению Достоевского), нестяжание, долготерпение, патриотизм, примат общественного над личным, которые позволили ему достойно пережить трагические и непосильные для любой другой нации исторические испытания. Эти же качества играют важную роль в возрождении России на естественных для нее принципах — преодоления разрыва между духовным и материальным, нравственностью и свободой.

Поэтому огромные деньги и усилия направляются на оглушение народа с помощью информационного ширпотреба, откровенной непотребщины и диффамации — отравы для мозга, психики и нервной системы. Недолгая свобода слова вновь зажата жесточайшей цензурой, теперь уже владельцев контрольных пакетов акций телерадиоканалов или изданий. В результате общество, лишенное полноценной дискуссии, стремительно немеет.

Как показывает опыт, западные ценности, усиленно насаждаемые многими ведущими СМИ, будучи там препарированы, претерпевают странные мутации. Так, русскому народу вместо этического навязывается внеэтический индивидуализм, активно пропагандируемый СМИ, а также личным примером политиков и бизнесменов. Причем соответствующие установки формируются не на основе рефлексии, а воздействием на чувства и подсознание через видеоряд, киноиллюзии, музыку, пение и т. п. С помощью этих средств, а также американской, по сути социологической, пропаганды (включая рекламу), осуществляемой через российские СМИ, складывается контркультура молодежи, характеризующаяся принятием крайне индивидуалистических принципов и моделей поведения (эгоизм, стремление жить за счет других, насилие, ксенофобия и т. п.) наряду с отвержением таких важнейших компонентов западной культуры, как христианская этика труда и личная ответственность.

В результате в нашей жизни процветают стяжательство, корыстолюбие, обман. По примеру правящего класса, не отягощающего себя соблюдением зако-

нов и моральных норм, в орбиту преступного и асоциального поведения втягивается все больше людей.

Печальный опыт обесценивания сбережений, ваучерной приватизации, финансовых пирамид, дефолта научили нас, что воровство и обман даже со стороны государства — явления обычные, естественные и неистребимые, как и связанная с ними массовая коррупция. Это как бы главные черты нового национального образа жизни в его, так сказать, рыночно-демократическом варианте.

В таком обществе и государстве нормальный законопослушный человек — всегда жертва. Жертва вооруженного налетчика, перед которым он безоружен в прямом смысле этого слова. Наглого или коррумпированного чиновника, обладающего реальной властью, перед которым он, будь тысячу раз прав, все равно беззащитен. По сути, он беззащитен в любом конфликте с любым негодяем, поскольку нынешняя власть защищает не его, получающего мизерную заработную плату, а лишь хорошо обеспеченных субъектов, включая мошенников, взяточников, воров, предоставляя им оружие, квалифицированную юридическую помощь и возможность «отмазаться» в любых ситуациях.

Наконец, он беззащитен перед самим собой, поскольку в этой ситуации любой нормальный человек не может не испытывать стыда как за себя, так и за общество, в котором живет и ничего не может изменить. Русскому человеку обидно не только за себя, но и за державу. Стыд — это гнев, обращенный вовнутрь, который, не вырываясь до поры наружу, вызывает стресс, депрессию, психологическое неблагополучие, что и является главной причиной резко возросшей за годы «реформ» избыточной смертности, причем в основном мужчин в репродуктивных и трудоспособных возрастах, в первую очередь молодых.

И удивляться, как удивляется этому весь мир, приравнивая характеристики российской депопуляции к уникальному феномену конца XX в., требующему глубокого анализа и осмысления, тут нечего. Достаточно посмотреть, как изменилось за последние два десятилетия качество жизни в России. Так, по данным Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения Института социологии РАН, Института питания РАМН, Центра народонаселения Университета Северной Каролины и исследовательского центра «Демоскоп», сегодня только 17 % взрослых россиян удовлетворены своей жизнью, в то время как не удовлетворены ею 60 %. По данным же репрезентативных всесоюзных исследований образа жизни, в 1980—1981 гг. у 54 % советских людей жизнь складывалась «хорошо», у 44 % — «удовлетворительно» и лишь у 2 % — «плохо». В 1986—1987 гг. картина не претерпела существенных изменений: 47 % — «хорошо», 48 % — «удовлетворительно», 2 % — «плохо». Причем в эти годы были «очень счастливы» 7 % опрошенных, «в основном счастливы» — 52 %, «не очень счастливы» — 22 % и «совершенно несчастны» опять же 2 %².

Таким образом, не алкоголь, не курение, не гиподинамия, а резкое длительное ухудшение социальной ситуации, обусловившее общее истощение жизненных сил нации, играет определяющую роль. В ходе неестественного социального отбора выбивается ее наиболее сильное звено. На экономическую обочину, на грань выживания, а то и на дно общества выталкиваются люди с нравствен-

² По многоступенчатой выборке опрашивалось 10 тыс. человек в 28 регионах страны от Прибалтики до Камчатки. Россия представлена в этой выборке 15 регионами: десятью областями, двумя краями, одной республикой и двумя городами (Москва и Ленинград) [Советский образ жизни 1984, с. 142; Субъективные показатели образа жизни 1989, с. 74].

ным стержнем, способные отказаться от личной выгоды, если она ущербна социуму в целом. Целенаправленно-централизованный развал российской фундаментальной науки и культуры, их нищенское существование вносят весомый вклад в этот процесс. Но зато создаются условия для процветания лиц с социокультурной патологией, во все времена и во всех цивилизованных странах находящихся под неусыпным контролем правоохранительных структур.

Негативные социокультурные трансформации сравнимы разве что с экономическими потерями. Только экономическая дезинтефация уменьшила долю России в мировом производстве в 8 раз, а структура экономики бывшей сверхдержавы приобрела явно зависимый периферийный характер.

Как известно, ее основы были заложены в ходе блестящего осуществления самой крупной аферы XX в., в результате которой около 150 млн человек в одночасье были «освобождены» от собственности, созданной ими и их предками, которая, в свою очередь, была передана в руки весьма узкой номенклатурно-криминально-демократической «прослойки». Захватив наиболее прибыльные базовые отрасли современной российской экономики — добычу и переработку нефти и газа, драгоценных, цветных металлов и алюминия, электроэнергетику, телекоммуникации, воздушный и наземный транспорт, а позже наиболее конкурентоспособные и перспективные предприятия ВПК, эта прослойка, в которой деловые качества всегда играли второстепенную роль, активно принялась обогащаться без оглядки на мораль и право. Главные результаты этой действительно бурной деятельности довольно хорошо известны.

Сложилась олигархическая структура экономики: «не менее 70 % производимого валового продукта контролируется двумя-тремя десятками бизнес-структур, решения в которых принимаются несколькими сотнями лиц, составляющих деловую и административную элиту России» [Явлинский 2003].

Экономика криминализировалась. Начало было положено ваучерной приватизацией, затем последовала экспансия криминала почти во все сферы нашей жизни, способные обеспечить ему респектабельное буржуазное существование. Размеры теневой экономики составляют сегодня, по оценкам официальных лиц, около 60 %, а на Кавказе — около 80 %. Поэтому, естественно, что основная масса деятелей малого и среднего бизнеса находятся, по их собственному признанию, не в ладах с законом, не говоря уже о морали [Возьмитель 1997, с. 183—186, 212—213, 239]. Даже внешний вид, лексика и психологические характеристики многих предпринимателей и их сотрудников неотличимы от аналогичных характеристик преступных авторитетов и братвы.

По некоторым экспертным оценкам, криминальными являются около 90 % экономических структур и институтов российского гражданского общества. Причем 45 % из них являются чисто криминальными, а другие 45 %, используя легальные методы, тем не менее функционируют в экономике в качестве разрушительного начала, стимулируя развитие «исключительно спекулятивных форм торгового, посреднического и финансового капиталов; иницируют процессы деиндустриализации национальной экономики; трансформацию ее структуры в колониально-сырьевую; ставят страну в стратегическую зависимость от импорта» [Романенко 2000, с. 87].

Дерзко и агрессивно, нередко по пиратски (угрозами, подкупом и насилием), захватываются вполне благополучные предприятия в целях репрофилирования, спекулятивной перепродажи или же, как в Москве, для приватизации бес-

ценной столичной земли. Для этого скупаются акции даже у сотрудников Горспецпрома, на которых работают инвалиды. В результате снижается экономический потенциал, сокращаются или ликвидируются жизненно важные отрасли промышленности (текстильная, кожевенная и т. п.), а массы людей теряют работу.

Когда рынок отождествляется с всеобъемлющим стремлением к наживе, а его генеральными субъектами выступают группы, а, по сути, кланы, давно отвергшие общечеловеческие нормы нравственности, наступает расцвет спекулятивно-финансового и спекулятивно-торгового капитала, массовой коррупции и преступности на фоне паралича производства, материального и духовного обнищания населения. Возникает этакий государственно-асоциальный криминальный урод, порождающий столь же уродливый бизнес, поскольку другого (цивилизованного или не очень дикого) он породить просто не в состоянии.

Отличительной чертой этого дикого капитализма является хищнический характер эксплуатации основных фондов и природных ресурсов, грозящий техногенными, экологическими и социальными взрывами. Так, основная беда электроэнергетики, как и многих других производств, катастрофическое старение ее фондов. За прошедшие 10 лет оборудование состарилось еще на треть своего нормативного срока службы. К 2000 г. предельной нормативной наработки достигли 55 % установленных мощностей. По прогнозам специалистов, выход мощностей из работы будет нарастать лавинообразно. Если принять во внимание, что сроки строительства новых электростанций составляют не менее пяти лет, вопрос об инвестициях в электроэнергетику встает во всей своей остроте [Романов, Старостин 2002, с. 80].

Поразительный факт: за время существования РАО «ЕЭС России» действующую энергосистему инвестирует только государство (по указу президента все дивиденды госпакета акций полностью направляются на инвестиции). Если учесть, что более 40 % акционеров — частные организации и лица, то получается, что за наш с вами счет, за наши деньги обеспечиваются будущие доходы частных инвесторов [Романов, Старостин 2002, с. 80]. Такой вот социализм для богатых и капитализм для бедных.

Инвестиций же действительно катастрофически не хватает, чтобы обеспечить рост экономики и благосостояния населения, предотвращать участвовавшие чрезвычайные ситуации (террористические акты, гибель самолетов, лесные пожары, сходы ледников, наводнения, возгорания детских учреждений и т. д.), которые из-за их константности таковыми уже не воспринимаются. Даже в лучшие времена на Россию приходилось всего 2 % мирового инвестиционного потока, а сегодня иностранные инвестиции составляют чуть более 1 млрд долл. США, тогда как Китай привлекает суммы в 25 раз большие. По экспертным оценкам, Россия нуждается в 12 млрд долл. в год [Королев 2000, с. 170], в то время как прямые иностранные инвестиции в ее экономику за годы реформ составили в общей сложности всего лишь 10—15 млрд долл., что примерно равно ежегодному вывозу капитала из нашей страны, львиная доля которого принадлежит всему народу, поскольку состоит из не востребованной природной ренты.

Поразительно, но в нашем законодательстве отсутствуют решения о рентных платежах. Это означает, что богатейшие в мире недра, национальное достояние используются сегодня в основном для личного обогащения. О хищническом характере использования недр вопиет и тот факт, что ни в законе «О недрах», ни в принятом недавно Налоговом кодексе РФ нет даже упоминания о взимании

средств на воспроизводство минерально-сырьевой базы, за счет и в связи с эксплуатацией которой сказочно обогащается правящий класс. Народу же российскому, которому единственно эти недра принадлежат по праву, достаются лишь крохи, достаточные для существования на грани или за чертой бедности, хотя очевидно, что наведение надлежащего порядка в этой сфере позволило бы многократно увеличить реальные доходы и качественно улучшить жизнь простых граждан.

Как верно отмечает Е. Ясин, один из ведущих идеологов либерализма и творцов нынешних реформ, «интеграция России в мировую экономику носит своеобразный характер: государство практически полностью открыло экономику "на выход", сохранив существенные ограничения на "вход". Это привело к тому, что капитал и мозги могут беспрепятственно уходить из страны, а их приток из экономики всего мира в Россию встречает многочисленные препятствия. Такое положение приводит к тому, что Россия не имеет возможности воспользоваться всеми плюсами глобализации, в полной мере ощущая ее минусы... Не привлекая новейшие технологии, российские предприятия постепенно становятся неконкурентоспособными на внутреннем рынке, используя высокие импортные пошлины и низкий курс рубля как единственную защиту, приобретая, таким образом, свое временное благополучие за счет снижения уровня жизни всего населения» [Ясин 2000, с. 196].

Концентрация национального достояния в руках узкого круга «своих», игнорирующих национальные интересы и «эффективно» использующих его в целях личного обогащения в силу очевидно проплаченного отсутствия надлежащей законодательной базы, пожалуй, главная причина того противоестественного состояния, в котором оказалась наша страна, где крайне низкий уровень благосостояния основной массы людей сочетается с их достаточно высокими общекультурными и профессиональными качествами, а также с самым богатым в мире природно-ресурсным потенциалом.

Однако ответ на сакраментальный вопрос, почему мы такие бедные, если мы такие богатые, с неизбежностью приводит нас в коридоры власти, поскольку нынешняя антинациональная криминальная российская экономика создавалась вполне конкретными политическими силами и нуждалась во вполне определенной форме правления, в основе которой — взаимопроникновение, срастание бизнеса и власти. Естественно, уже в силу данного обстоятельства, изначально коррумпированной.

Под заклинания о свободе, народовластии, правах человека в России появился новый политический мутант — криминальная плутократия в форме олигархии, маскирующаяся под демократию. Именно этот мутант создал ситуацию тотального беспредела и безответственности во всех основных сферах жизни российского общества — экономической, социальной, политической, правовой, нравственной, информационной, что позволило почти без серьезных потрясений «прихватизировать» общенародную собственность, проводить перманентные изъятия сбережений граждан и беспрепятственно грабить национальное достояние, перекачивая его за рубеж. Десять лет спада и депрессии, падения в экономическую пропасть — лишь основной фон названного действия.

Но вот, наконец, достигли дна. Падать дальше некуда. Приподнялись, осмотрелись: прирост ВВП на 19 % за три года. Конечно, не ахти какой результат, учитывая ситуацию, но станем на колени, глядишь, будет больше. Однако под-

няться с колен такая экономика вряд ли сможет. Да и не дадут, поскольку в существующем порядке вещей, позволяющем извлекать сверхдоходы, как признают даже либералы, заинтересованы не только олигархи, но почти весь правящий класс: «Это чиновники, способные получать мзду за выгодные другим группам экономические и политические решения. Это крупный бизнес, способный эту мзду платить и получать в результате монопольный доход, в десятки раз превышающий ее размер. Это профессиональные политики, выступающие в роли посредников между теми и другими. Это верхушка правоохранительных органов, контролирующая силовой аппарат, способный как прикрыть бизнес от "внесистемного криминала", так и сам выступать в роли вымогателя — своего рода "внутрисистемного" криминала. Наконец, это и руководители средств массовой информации, которые, с одной стороны, обеспечивают системе в целом идеологическое прикрытие, а с другой — играют на противоречиях внутри самой элиты, извлекая из этого немалую корпоративную и личную выгоду» [Явлинский 2003].

Неудивительно, что между народом и властью существуют отношения взаимного подозрения и недоверия. Власть небезосновательно подозревает, что народ недоволен и готов к активным действиям протеста; народ столь же небезосновательно подозревает, а то и твердо знает, что власть действует исключительно в своих интересах. В результате в массовом сознании формируется чрезвычайно опасное противопоставление «мы» и «они», не раз в истории России приводившее к социальным и политическим катаклизмам. К сожалению, приходится констатировать, что разделенность, противопоставление — сущностная характеристика российского бытия в начале третьего тысячелетия от Рождества Христова. Укоренилась она и в повседневной жизни [Возьмитель 2002, с. 99—113].

Универсальный же закон человеческого бытия гласит: «всякое царство, разделившееся само в себе, опустеет; и всякий город или дом, разделившийся сам в себе, не устоит» (Мф. 12, 25). Россия вплотную подошла к черте, за которой исчезает понятие безопасности. Наше общество стало опасным для своих граждан, граждане и общество — для государства, а государство, приобретая контуры Верхней Вольты с ядерными ракетами, — для других государств.

Все это говорит о глубоком расколе в российском обществе — экономическом, социальном, политическом, ментальном, нравственном в результате скоротечного его «либерального» реформирования. Однако в действиях правящего класса трудно обнаружить главную либеральную тенденцию — заинтересованность в преодолении этого раскола на основе синтеза, консенсуса, разработки новых общих смыслов и инициатив, восстановления общезначимого духовно-нравственного содержания и целостности образа жизни, обеспечивающего стабильность и преемственность в развитии общества.

Подводя итог, можно отметить, что экономическая, политическая и культурная экспансии в нашу страну достаточно всеобъемлющи. Они способны подорвать основы существования и развития любого самостоятельного государства, а тем более такого, как российское, всегда играющего особую роль в мире. Похоже, теоретики и практики глобализации все же выработали и запустили механизмы ослабления и самоликвидации России как державы-лидера.

Это — зависимая, торгово-спекулятивная, с сырьевой направленностью экономика, у которой отсутствуют «внутренне встроенные механизмы роста». Экономика иррациональная, криминализирующаяся, где безраздельно господствует собственник, эффективно работающий лишь на собственное эгоистическое благо,

и потому, видимо, неспособная обеспечить (при богатейшем в мире природно-ресурсном потенциале и огромных сверхприбылях, из него извлекаемых) необходимые инвестиции ни в производство, ни в человека — повышение уровня и качества жизни, развитие культуры, науки, образования.

К этому обществу не применим термин «гражданское», поскольку простой гражданин в нем бесправен и беззащитен. Он не может опереться ни на нормы закона, которые на него не работают, ни на общепринятые нормы нравственности, которые можно сказать отсутствуют.

Это формально-демократическое государство, игнорирующее жизненно важные интересы основной массы населения и неспособное обеспечить принятие и исполнение законов, защищающих личность и национальное достояние от своекорыстного использования. При этом государство, содержащее огромную армию чиновников, пользующихся всевозможными льготами и привилегиями, которым «дай прокормить казенного воробья — без своего гуся за стол не сядут». В этом государстве граждане вымирают, но зато активно с помощью СМИ плодятся особи, похожие на людей, широко представленные в популярных передачах ТВ «За стеклом» и «Окна».

Ликвидация основных бастионов коммунистической идеологии и культивируемой ею системы единомыслия, чем очень гордятся либералы, в условиях развала системы правовой, социальной и моральной регуляции привела не к духовной свободе, а к новому закабалению масс чуждыми идеалами и ценностями, в основе которых — агрессивная бездуховность, корыстолюбие, ненависть и насилие.

В результате действия всех названных механизмов в России создана ситуация гарантированной опасности, в которой не определены и, соответственно, не закреплены ни в законодательстве, ни в морали, ни в корпоративной этике границы, за рамками которых те или иные явления наносят ущерб жизненно важным интересам личности, общества и государства в настоящем и могут наносить в будущем. Сегодня же все три компонента (уровня) национальной безопасности вряд ли кто назовет защищенными от внутренних и внешних угроз, уже хотя бы потому, что это — разделенные субъекты, интересы которых в реальной ситуации нередко прямо противоположны.

Соответственно этому состоянию резко ослабляются позиции России на международной арене. По существу формируется однополярный (монотилистический) мир, где господствуют США и американский образ жизни, защита которого, наряду с защитой народа и территории, традиционно является главной задачей и конституционной обязанностью администрации президента этой страны в обеспечении национальной безопасности.

Мы же остались наедине с собой: «кругом чужие, а где свои — неизвестно». Но никогда так тесно не смыкалось на горле России новое «союзническое» кольцо. На востоке и юге, теперь даже на Кавказе располагаются американские войска, а после войны в Ираке США переводят свои базы из Германии в Польшу, на самую границу бывшего Советского Союза.

Увы, мир не стал безопаснее, как не перестали влиятельные силы Запада разрабатывать и реализовывать сценарии ослабления и даже расчленения России на ряд независимых государственных образований. Конечно же, нельзя сводить все к «проискам врагов». Мы сами не сумели держать несилую оборону после поражения в холодной войне и развала Советского Союза. Мы сами,

правда, не без активной «помощи» новоявленных «союзников», допустили к верховной власти людей, пытавшихся чужое прошлое сделать нашим настоящим и будущим. Мы сами не сумели втянуть в экономическую и политическую элиту людей, не запятнанных сотрудничеством с кланами, эгоистически отторгавшими общественное благо у тех, кто не входил в их состав, или же не служил им верой и правдой. В результате общество осталось без настоящей элиты, зрящей на перспективу, смелой и подвижнической, как по существу осталось оно без обоснованных экономических и социальных ориентиров. Мы сами готовы поступиться своими основными гражданскими правами взамен решения актуальных социальных проблем.

Наша многовековая атрофия способности самостоятельно утверждать себя в жизни, свойственная как «низам», так и «верхам», привела нас вместо либерализации к «приматизации» процесса реформирования — некритическому заимствованию фрагментов чужого культурного опыта, воспроизводимого в чуждой социокультурной среде, что и обуславливает дезорганизацию и другие разрушительные последствия. Идет неуклонное, хотя, порой и не столь явное, нарастание клубка болезненных, постепенно становящихся неразрешимыми проблем, к которым приспособляются и привыкают, но которые не решают. Вопреки мнению Б.А. Грушина, что «только бесчестные люди могли возглавить переход к новой жизни» [Грушин 2001], я полагаю, что десятилетие российских «реформ» конца XX в. наглядно демонстрирует: переход от авторитарно-тоталитарной модели общества к демократической невозможен без изменений в базовых нравственных принципах, без своеобразной нравственной реформации, с которой должны быть соотнесены все экономические, политические, социальные идеи.

Литература

- Возьмитель А.А.* Диверсификация образа жизни (Способы и стили жизни в постсоветском социальном пространстве) // Мир России. 2002. № 1.
- Возьмитель А.А.* Способы бизнеса и способы жизни российских предпринимателей. М.: ИС РосАН, 1997.
- Гионис Х.* Глобализация — взгляд из Греции // Российская Федерация сегодня. 2002. № 6.
- Грушин Б.* Социосотрясение по-русски // НГ — Фигуры и лица. 2001 г. 8 февр. № 3.
- Королев И.* Какой валютный контроль нужен России? // Год планеты. М.: Республика, 2000.
- Кузнецов В.* Глобализация // Год планеты. Политика. Экономика. Бизнес. Банки. Образование. РАН, ИМЭМО, М.: Республика, 2000.
- Романенко Л.* Противостояние субъектов и структур общества и государства // Экономика и политика в переходном обществе: кризис взаимодействия. М.: Эдиториал УРСС, 2000.
- Романов В., Старостин А.* Развал энергетики — путь к краху экономики // Право и безопасность. 2002. № 4.
- Советский образ жизни. Состояние, мнения и оценки советских людей. М.: ИСИ АН СССР, 1984.
- Субъективные показатели образа жизни (количественные результаты всесоюзного исследования образа жизни советских людей). М.: ИС АН СССР, 1989.
- Явлинский Г.* Периферийный капитализм // Московские новости. 2003 г. № 18.
- Ясин Е.* Экономическая стратегия России на первое десятилетие XXI века // Год планеты. М.: Республика, 2000.